

**А.А. Голосеева,
А.А. Хохлов**

**A. Goloseyeva,
A. Khokhlov**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

THE POLITICAL CONCEPT OF EURASIANISM: FROM HISTORY TO THE PRESENT

Аннотация

В статье анализируются специфические черты евразийского учения на всех этапах его эволюции. Предпринята попытка показать инвариантные характеристики евразийских концепций, с одной стороны, и отличия в научных подходах основателей учения, с другой. В целях большей наглядности учение евразийцев условно разделено на два периода: классическое евразийство и неоевразийские концепции. Отмечены принципиальные различия в понимании евразийских перспектив России в работах основателей учения и у современных авторов. Авторы подчеркивают принципиально разные подходы в отношении к евразийской идее у политиков Российской Федерации и в странах СНГ. Актуальные межгосударственные проекты в рамках Большой Евразии практически не имеют ничего общего с политическими взглядами российских евразийцев всех периодов. Особый акцент в статье сделан на анализе сходства некоторых фундаментальных идей ранних евразийцев с идеологическими концептами большевиков. Вместе с тем, выявлены и причины политической неудачи лидеров классического евразийства, которые видели в СССР воплощение собственных идей. Проанализированы концепции авторов, которые не являются продолжателями учения, но которые повлияли на становление неоевразийских концепций: Л.Н. Гумилева и В.Л. Цымбурского. Будучи эклектичным и амбивалентным социально-философским и политическим учением, неоевразийство показано в контексте актуальных политических конфликтов. В статье анализируются концепты неоевразийства как радикаль-

Abstract

This article analyzes the specific features of Eurasianism throughout its evolution. An attempt is made to demonstrate the invariant characteristics of Eurasian concepts, on the one hand, and the differences in the scholarly approaches of the founders of the doctrine, on the other. For clarity, the Eurasianist doctrine is conventionally divided into two periods: classical Eurasianism and neo-Eurasian concepts. Fundamental differences in the understanding of Russia's Eurasian prospects in the works of the founders of the doctrine and those of contemporary authors are noted. The authors emphasize the fundamentally different approaches to the Eurasian idea among politicians in the Russian Federation and in the CIS countries. Current interstate projects within Greater Eurasia have virtually nothing in common with the political views of Russian Eurasianists of all periods. The article places particular emphasis on analyzing the similarities between some of the fundamental ideas of the early Eurasianists and the ideological concepts of the Bolsheviks. At the same time, it also identifies the reasons for the political failure of the leaders of classical Eurasianism, who saw the USSR as the embodiment of their own ideas. The concepts of authors who are not successors of this teaching, but who influenced the development of neo-Eurasian concepts, are analyzed: L. Gumilev and V. Tsymbursky. As an eclectic and ambivalent socio-philosophical and political doctrine, neo-Eurasianism is presented in the context of current political conflicts. The article analyzes the concepts of neo-

ной, антилиберальной утопии. Сделан вывод о том, что российская политическая элита относится к евразийским идеям прагматично: заимствуются отдельные понятия (многополярность, англо-саксы, поворот на Восток), но не оригинальные положения учения.

Eurasianism as a radical, anti-liberal utopia. It concludes that the Russian political elite has a pragmatic approach to Eurasian ideas: they borrow individual concepts (multipolarity, Anglo-Saxons, the turn to the East), but not the original tenets of the doctrine.

Ключевые слова:

евразийство, неоевразийство, евразийская интеграция, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, А.Г. Дугин.

Key words:

Eurasianism, neo-Eurasianism, Eurasian integration, P. Savitsky, N. Trubetskoy, A. Dugin.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-45-59>

Евразийская интеграция на постсоветском пространстве заявлена руководством России в качестве одного из приоритетов стратегического развития государства. «Приоритет – укрепление позиции России в мире. И прежде всего через новую интеграцию на евразийском пространстве. Привлекательность идеи новой евразийской интеграции неуклонно растёт»¹.

Реализация данной стратегии представлена в виде ряда международных проектов, таких как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и т.п. Российская модель Евразийской интеграции предполагает вовлеченность в общий континентальный проект не только республик бывшего СССР, но и сближение с другими крупными международными проектами – БРИКС, ШОС и др. Россия при этом пытается утвердить свое лидерство в большинстве интеграционных начинаний на всем Евразийском пространстве.

Сама идея интеграции бывших советских республик была впервые публично сформулирована президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым в 1994 году². В его представлении Евразийский Союз должен был служить исключительно прагматическим целям: укреплению торговых связей, доступу к российским рынкам и обеспечение беспешинного транзита товаров через Казахстан. Однако уже тогда обнаружили расхождения в подходах к «философии» интеграции постсоветских регионов у российского руководства и лидеров новообразованных государств.

¹ Путин: Евразийская интеграция – главный приоритет. (2012). Выступление в Государственной Думе 11 апреля 2012. <https://er.ru/activity/news/putin-evrazijskaya-integraciya-vazhnejshij-prioritet>

² 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева. (2019). Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 296.

Несмотря на общую терминологию, Россия и республики СНГ преследуют совершенно разные цели в контексте Евразийского проекта. Если для российских элит интеграция Евразии остается одним из способов гарантировать свое влияние на политические процессы в регионах бывшего СССР, то лидеры новых государств стремятся упрочить свой государственный суверенитет и снизить зависимость своих экономик от Москвы. Между тем, в Москве считают, что Россия – это «государство-мир», центр силы, который должен объединить вокруг себя бывшие республики СССР для геополитического противостояния Западу.

Нынешняя внешняя политика Москвы носит антилиберальный и антизападнический характер. В действиях коллективного Запада видят стремление нанести максимальный ущерб национальным интересам России. Евразийские проекты в данной логике мыслятся как цивилизационная альтернатива англо-саксонской идеологической экспансии. Не удивительно, что в странах Западной демократии российская модель консолидации Большой Евразии воспринимается как форма экспансионистской политики нынешнего руководства России (Базавлук, 2021).

Лидеры стран СНГ, преимущественно из региона Центральной Азии предлагают другие подходы к Евразийской интеграции. Они исходят из принципа политической многовекторности. Для Казахстана, Узбекистана или Киргизии Большая Евразия – это не стена между ними и Западом, а один из инструментов обеспечения баланса сил и влияния. Они стремятся одновременно дружить с Россией, торговать с Китаем и привлекать инвестиции из США и ЕС.

Чтобы лучше понять специфику российской позиции в отношении своего лидерства на евразийском пространстве, следует обратиться к истокам евразийской концепции.

Основателями учения принято считать русских ученых-эмигрантов – экономиста, географа и этнографа Петра Савицкого и лингвиста и историка Николая Трубецкого. В разное время к этой группе примыкали такие мыслители, как: Борис Ширяев, Георгий Вернадский, Лев Карсавин и ряд других выдающихся русских философов (Люкс, 2018; Антропов, 2012).

В строго научном смысле учение евразийцев не было цельной и систематизированной теорией. Скорее, это некая концептуальная рамка, объединяющая идейно разных авторов, занятых поиском национальной идеи вне контекста европейской цивилизации.

Цель статьи – охарактеризовать эволюцию учения, выделить те его элементы, которые оказали влияние на современный официальный политический нарратив, и определить место евразийских идей в процессе

конструирования государственной стратегии развития Российской Федерации. Используются историко-социологический метод, методы системного и сравнительного анализа.

Классическая концепция евразийства

Возникнув как уникальное явление русской социально-философской и политической мысли в эмиграции, евразийство эволюционировало с течением времени. Поэтому, с точки зрения теоретического анализа, целесообразно разделить это интеллектуальное учение на два больших периода: классический и современный.

Общее у его представителей разных эпох – это попытка предложить целостную мировоззренческую альтернативу западнцентричной модели в науке и в геополитике. Представления о России как ядре особой Евразийской цивилизации, вобравшей в себя черты Европейской и Азиатской социокультурных общностей, является основной мыслью «старых» и «новых» сторонников этого учения.

П. Савицкого можно определить как сторонника экономико-географического детерминизма: он считал, что география и климат делают отечественную продукцию неконкурентоспособной на мировых рынках. Поэтому необходимо сосредоточить усилия на развитии отдельной экономики, независимой от влияния международной торговли. Торговля «леса» со «степью» – вот основа суверенной евразийской экономической политики. Все природные богатства России находятся в материковой зоне, в отличие от «океанических» стран (Британия, США). Это и есть особое «месторазвитие» нашей страны. При этом, миссия России, по мнению Савицкого, собирать земли и народы вокруг себя, являясь неким особым народом, вне известных этнических классификаций: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а – русские» (Евразийство..., 1992, с. 374).

Для всех ранних евразийцев было характерно преувеличивать значение ордынского владычества на Руси. Неслучайно, идеи П. Савицкого в 90-е годы были созвучны тогда еще весьма маргинальному философскому кругу А. Дугина. Именно Дугин выступил публикатором наследия Савицкого: он составитель и автор послесловия «Евразийский триумф» к одной из первых опубликованных в России работ Савицкого «Континент Евразия» (Савицкий, 1997, с. 433–453).

В отношении же к западной цивилизации позиции евразийцев довольно существенно различались. Например, тот же П. Савицкий не отвергал западный мир, настаивая лишь на самобытности русской культуры: «ощуще-

ние самостоятельности неравнозначно ни “желанию порвать связи”, ни тем более “ненависти”» (Савицкий, 1997, с. 173).

Его коллега Николай Трубецкой был более категоричен в своем неприятии западных влияний на русскую культуру. По его мнению, подражание Западу формировало у русских чувство второсортности, так как народы, которые берут за образец чужую культуру, будут всегда плестись в хвосте без шанса угнаться за оригиналом (Трубецкой, 2019). Он представлял Запад как экзистенциального врага: «Затаенной мечтой всякого европейца, – является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных и обособленных национальных обликов и культур, кроме одной, европейской» (Трубецкой, 1995, с. 257).

Если П. Савицкий развивал идеи геополитического противоборства разных цивилизаций, то Н. Трубецкой стремился обосновать тезис родства культур в рамках одной цивилизации с помощью концепции языковых союзов. Языковой союз – группа языков, которые не являются родственниками, но приобрели общие черты из-за географической близости и культурных контактов. Таким лингвистическим выводом Н. Трубецкой обосновывал неизбежность появления на просторах Евразии единого имперского пространства. Если география создает «языковой союз», значит, объединение народов России в одно государство – это не «захват», а естественный процесс. Народы Евразии уже связаны на уровне «менталитета», поэтому они должны стать фундаментом для новой политической системы (Трубецкой, 2019).

Несмотря на некоторые отличия во взглядах, обоих авторов объединяет неприятие славянофильства и симпатии к идеократическим политическим системам. Они были уверены, что государство должно управляться не интересами капитала или формальной демократией, а единой, организующей идеей. Их коллега, религиозный философ Лев Карсавин, выдвигал концепцию «симфонической личности», согласно которой народ или социальная группа являются целостным организмом, обладающим волей и сознанием, превосходящим сумму отдельных индивидов (Карсавин, 1992).

Евразийство и большевизм: идеологические основания для политического сближения

Неприятие Запада для евразийцев стало, своего рода, идеологическим мостом к сближению с Советской властью.

Поворот на Восток в концепции евразийцев не противоречил советской концепции «дружбы народов». Н. Трубецкой считал, что в будущей России сформируется «многонародная нация» (полное сходство с советской доктриной о «новой исторической общности»).

Симпатии к авторитарным режимам и идеократической «симфонии» как оптимальной модели цивилизационного развития России побуждали авторов евразийского учения пристальнее вглядываться в социальный эксперимент, осуществляемый большевистским правительством.

Идея уникальности коммунистического проекта, провозглашаемая первым Советским правительством, созвучна утверждению Георгия Вернадского о том, что нет отдельно Азиатской и Европейской России, есть только одна – Евразийская – Россия (Вернадский, 2023).

Вероятно, евразийцев очаровывала сила и уверенность, с какой действовали большевики в окружающем мире. Сохранение единого политического пространства в границах Российской Империи стало навязчивой идеей, ради которой они были готовы на сближение с кем угодно. Кроме того, русским теоретикам нравилась политическая структура нового Советского государства, в которой они увидели идеальные формы народного представительства: «Мы подчеркиваем связь советской системы с бытовым демократизмом, снимающим психологический антагонизм между барин-интеллигентом и мужиком» (Савицкий, 1997, с. 63).

Наконец, сама мысль приверженцев евразийского учения о возможности искусственного отбора правящей элиты поразительно напоминает проект большевиков по созданию «нового, советского человека».

Евразийцы могли публично критиковать коммунистическую идеологию, но, в то же время, они стремились разглядеть в политике большевиков болезненный, но крайне важный метод «очищения» России от чуждого Западного влияния. Если большевики говорили о Западе, как о центре империализма, который надо разрушить с помощью революции, то евразийцы приветствовали «очищающий ураган» революции как способ остановить духовного агрессора, воплощенного в романо-германской культуре.

Идеологический утопизм евразийцев гармонировал с идейным фанатизмом большевиков: те и другие были уверены в том, что государство служит высшей цели, а социальный порядок, трудовая дисциплина и активное вмешательство централизованной власти в экономику, культуру и частную сферу – необходимые политические задачи (Трубецкой, 1995).

Тем не менее, различия между этими двумя учениями оказались весьма существенными: коммунизм был атеистической идеологией, а Россия мыслилась большевиками плацдармом для продолжения классовой борьбы на мировой политической сцене. Евразийцы же, напротив, выступали за религиозное «оправдание» культуры и оставались «великодержавниками». Именно по этим принципиальным вопросам полного идеологического слияния евразийцев с большевиками не случилось.

В какой-то момент произошел раскол и в евразийском лагере: образовались условные «левые», издававшие газету «Евразия» (Петр Сувчинский и Сергей Эфрон), и «правые» (Николай Трубецкой, Николай Алексеев и Петр Савицкий). Левые заявляли, что СССР – это и есть Евразийская держава в полном смысле; а советская идеология – только временная «оболочка» подлинного перерождения коммунизма в евразийскую доктрину.

Закат евразийства классического периода происходил на фоне обрушившейся на них критики. Практически все видные интеллектуалы русского зарубежья, такие как Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, С. Франк, А. Кизеветтер, П. Милюков, П. Струве и др., крайне негативно отзывались о евразийском учении. Предметом критики были следующие положения «доктрины» евразийства: цивилизационная близость русских и кочевников, обусловленная географией; политизация православия; этатизм; идеализация советского строя и отказ от «сопротивления злу».

Даже те, кто разделял некоторые идеи евразийцев, быстро разочаровались в перспективах этого движения. Например, русский филолог Петр Бицилли резко возражал не только против попыток создать «евразийскую политическую партию», но и подчеркивал эклектичность идеологии своих коллег. Он писал в 1928 году: «Здесь не место спорить о преимуществах того или иного режима; ясно, во всяком случае, что между различными формами необходимо сделать выбор: или синдикализм, или фашизм, – или свобода, или диктатура, ибо непонятно, зачем, с какой целью требуется это нагромождение внутренне противоречивых принципов» (Бицилли, 1995, с. 42).

Другой бывший участник евразийского движения, Георгий Флоровский, считал евразийское учение не поворотом на Восток, а старым западничеством наизнанку. Он критиковал ключевое понятие концепции П. Савицкого – «месторазвитие» – за географический детерминизм. Для Г. Флоровского нет ничего биологического и природного в культуре; она, по мнению ученого, акт духовного выбора, а не результат обитания в лесах или в степи и тундре. Кроме того, Г. Флоровский упрекал евразийцев в том, что они оправдывают атеистический характер большевизма, видя в этом оправдании признаки тоталитарной идеологии: «Допустим, выветривается коммунистическая идеология, ничтожная по предельному суду, но разве не оставляет она в душах больного и ядовитого наследия и последствий? И разве выздоровела одержимая ею душа? И исцелят ли ее «идеи»? В сущности, евразийцы стремятся перевести опустошенных людей из одной одержимости в другую, в «подданство» другой, новой, евразийской идее» (Флоровский, 1998, с. 314).

Вспыхнув яркой звездой на общественно-политическом небосклоне Европы 20-х годов прошлого столетия, это учение быстро пришло к упадку и к началу Второй мировой войны было практически забыто.

Евразийские идеи в советской и постсоветской общественной мысли

Прямых идеологических наследников евразийцы классического периода не оставили. В некотором отношении можно считать продолжателем евразийского учения советского этнографа и историка Льва Гумилева (1912–1992). Он в некотором роде опирался на труды Н. Трубецкого, П. Савицкого и, в первую очередь, Георгия Вернадского. Он использовал в своих исследованиях евразийскую идею полицентризма (противопоставление европоцентричности западной гуманитарной мысли) и на этой основе разработал собственную теорию пассионарности. Пассионарность, согласно концепции Л. Гумилева, это особый биохимический избыток энергии, который заставляет людей (пассионариев) стремиться к великим целям, жертвуя собой ради идеи или Отечества. В представлении Л. Гумилева Европа (Запад, в целом) – это старый, умирающий суперэтнос, чьи ценности чужды и даже опасны для молодой евразийской цивилизации. Сам Л. Гумилев называл себя «последним евразийцем», но его мировоззренческие идеи и произвольное толкование начала и конца этносов отличаются от научных исканий Н. Трубецкого и П. Савицкого. Если Н. Трубецкой и П. Савицкий искали доказательства единства Евразии в языке, культуре и правовых нормах, то Л. Гумилев рассматривает общественную историю исключительно в формах этногенеза. Кроме того, будучи детерминистом, советский этнограф объяснял все социально-политические процессы «ритмами пассионарности», в то время как евразийцы предоставляли человеку право выбора: идеократии или свободы (Гумилев, 2018).

На закате СССР идеи Льва Гумилева пользовались спросом в среде интеллигенции. В определенном смысле они востребованы и сегодня: В. Путин неоднократно высказывал свой интерес к работам ученого: «Я верю в пассионарность, в теорию пассионарности. Это, собственно, как в природе, обществе, – идет развитие, пик, затухание. Россия не достигла своего пика. Мы на марше, на марше развития».

Другим ярким и самобытным представителем отечественной геополитики, который интересовался наследием евразийцев, был историк и политолог Вадим Цымбурский (1957–2009). Его концепция, которую часто называют «цивилизационным геополитическим подходом», радикально отличается как от классического евразийства, так и от теории пассионарности Л. Гуми-

лева. Его мысль состоит в том, что Россия стремится не к расширению имперского пространства, но к геополитическому уединению. «Самососредотачивается», как выражался Александр Солженицын. В отличие от евразийцев, призывавших к контролю над всем континентом, В. Цымбурский утверждал, что России нужно осваивать собственные огромные пространства (Сибирь, Дальний Восток). При этом нет необходимости сливаться с Азией. Россия представляет собой отдельную, не похожую на других, цивилизацию, которая должна сепарироваться от избыточных контактов с остальными культурами. Главной концептуальной метафорой политолога является «Остров Россия». Задача России не заниматься мессианством, а отгородиться на своем «острове» от других цивилизаций поясом промежуточных территорий, отделяющих нас от Европы, исламского мира, Китая. Эти промежуточные земли В. Цымбурский назвал Великим Лимитрофом, куда входят: Восточная Европа, Прибалтика, Закавказье и Центральная Азия. России не нужно никого поглощать; достаточно использовать энергию соседних народов для управления их конфликтами друг с другом, чтобы обеспечить себе «подушку безопасности» (Цымбурский, 2007).

Можно предполагать, что мысль Цымбурского о том, что «цивилизация – хозяин» имеет право направлять в нужном для себя русле «цивилизации – спутники» (Корея по отношению к Китаю, например) оказала влияние на формирование некоторых современных внешнеполитических концепций. С евразийцами автора сближает глубокое недоверие Западу. Стремление догонять Запад, «похищать Европу», по его мнению, стало причиной культурной усталости российской цивилизации. При этом в противовес евразийцам В. Цымбурский продвигает идею геополитического минимализма: нам требуется «отдых» от всех народов и культур в относительно безопасном уединении (Цымбурский, 2011).

Эта оригинальная рецепция классического евразийского учения трансформировалась в концепцию «здорового эгоизма» российской цивилизации, которая, якобы, хочет выжить в меняющемся мире, не становясь пешкой в чужих играх.

Неоевразийство и его практическое воплощение в политических реалиях современной России

Несмотря на общее название, классическое евразийство 20-х годов и современное неоевразийство – это разные интеллектуальные проекты, рожденные в принципиально разных исторических условиях. Участие в разработке новой «евразийской идеологии» в современной России с конца 1990-х годов принимали В.В. Кожин (1930–2001), В.В. Малявин, А.С. Панарин

(1940–2003) и др., но самым последовательным и убежденным апологетом евразийской идеи является А.Г. Дугин.

Если евразийцы Русского зарубежья пытались переосмыслить причины гибели Российской империи, то нынешние его условные последователи и эпигоны позиционируются как политические технологи и геополитики. Ранние евразийцы искали «национальную идею» в культурном симбиозе «леса» и «степи». В манифестах наших современников акцент смещен на глобальное противостояние «Суши» (теллуократии) и «Моря» (талассократии, то есть США и НАТО). Культура здесь вторична по сравнению с вопросами контроля над большими территориями с помощью военно-политического доминирования: «Культурный фактор является естественным дополнением чисто геополитической предопределенности России. Геополитическая миссия осознается на культурном уровне, и наоборот, культура осмысляет, оформляет и активизирует геополитический импульс» (Дугин, 1999, с. 198).

Много несовпадений и в отношении к государству. При всей своей «имперскости» евразийцы классического периода мечтали создать этическую альтернативу западной демократии. В концепциях неоевразийцев отчетливо просматривается восприятие государства как самоцель политического развития. Этот онтологический этатизм наиболее ярко представлен в работах А. Дугина: «Существование русского народа как органической исторической общности немыслимо без имперостроительного, континентального созидания. Русские останутся народом только в рамках Новой Империи» (Дугин, 1999, с. 213).

Опираясь на Х. Маккиндера, Дугин утверждает, что Россия занимает «осевое» пространство планеты. Без контроля над Хартлендом (высококонтинентальный регион Евразии) невозможно построить государство, способное противостоять «атлантизму», который ассоциируется с Британией и США (Дугин, 1999).

Интересам народов «Хартленда» соответствует многополярная картина мироустройства. Эта политологическая теория Дугина рассматривает многополярность как сосуществование на планете различных цивилизационных «полюсов». Эти цивилизации обладают собственной культурной и религиозной идентичностью, экономической самодостаточностью и военным суверенитетом. К ним относятся: Россия; Китай; Исламские государства; Латинская Америка и будущая Европа (после ее освобождения от диктата США). Россия в этом многополярном мире больших пространств играет ключевую роль по интеграции этих народов в Евразийский Союз (Дугин, 2024).

Новые евразийцы весь свой творческий пыл направляют на борьбу с либерализмом, считая эту идеологию тоталитарной и нигилистической. Одна

из главных претензий Дугина к либерализму заключается в том, что эта идеология разрушает все формы коллективной идентичности: религиозной, национальной, сословной, гендерной. Задача человечества – восстать против диктатуры западных элит, пытающихся контролировать мир с помощью цифровых технологий: «Самое страшное впереди. Инерция постлиберальных процессов такова, что изменение курса невозможно – «раскрепощенная техника» (О. Шпенглер) будет искать для спасения Запада все более эффективных, но чисто технических, технологических средств» (Дугин, 2009, с. 12). В определенной степени мысль Дугина имеет некоторые параллели с идеей «большой перезагрузки» Клауса Шваба: технологии способствуют не только повышению комфорта, но и угрожают свободе и жизни человечества (Кушнир, Кушнир, 2023).

21 апреля 2001 года в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийского политического общественного движения «Евразия». Мечты Савицкого о евразийской партии на родине начали сбываться. Однако с самого начала в этой среде вспыхнули противоречия и конфликты. Авторы, которые идентифицируются, как новые евразийцы (А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малявин, Г.Д. Чесноков, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и др.) не смогли договориться о целостной и непротиворечивой политической программе действий. Очень быстро движение перестало интересовать общественность России и не получило государственной поддержки.

Развивая мысль об интеграции евразийского «большого пространства», Дугин выделяет несколько этапов формирования неоевразийства как научно-политической теории:

В 1985–1990 гг. формируется правоконсервативный, традиционалистский дискурс; затем, в 1991–1993 гг. происходит сближение идеологов неоевразийства и оппозиционных политиков, что повлияло на программные изменения политики КПРФ.

В последующие годы 1994–1998, складывается неоевразийская ортодоксия, и эти идеи берет на вооружение ЛДПР.

Наконец, в период 1998–2001 гг. неоевразийцы формулируют политическую позицию и поддерживают политический курс президента Путина (Основы, 2002, с. 40–49).

В настоящее время нет оснований утверждать, что актуальная внешняя доктрина Российской Федерации наследует идеям авторов евразийского учения. Безусловно, темы Евразийской интеграции остаются в политической повестке правящего слоя в качестве приоритетных целей. Однако эти цели реализуются в совершенно других политических условиях и требуют качественно новых теоретических подходов к их анализу. Вместе с тем некор-

ректно совсем игнорировать интеллектуальное наследие евразийцев и отрицать их опосредованное влияние на современные политические процессы.

Несомненно, нынешний внешнеполитический курс Москвы на идеологическую конфронтацию с коллективным Западом вообрал в себя ряд основополагающих идей евразийцев классического периода. Прежде всего, это представление о России как об особой цивилизации, геополитическом центре Евразийского континента. Как сформулировал эту мысль президент России: «Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий»¹. Данное концептуальное обоснование государственного суверенитета восходит к учению ранних евразийцев.

Восприятие Запада как источника враждебных отечественной культуре и традиционным ценностям идей, также повторяет евразийские тезисы о пагубности сближения с «чуждой» цивилизацией.

Убежденность П. Савицкого и Н. Трубецкого в том, что Евразия, во многом, совпадает с границами Российской Империи, перекликается со словами Владимира Путина о возвращении исконно российских земель. «Казалось бы, [Петр I] воевал со Швецией, что-то отторгал... Ничего он не отторгал, он возвращал... На нашу долю тоже выпало возвращать и укреплять»².

С известной долей условности можно говорить о прагматическом использовании отдельных положений евразийского учения Владимиром Путиным для обоснования своей концепции государственного суверенитета России, и ее права влиять на политику республик постсоветского пространства. Если искать в выступлениях российского президента евразийские тезисы, то в них нет присущего «ранним» и «поздним» евразийцам революционного пафоса; «евразийство» Путина – «охранительное» и консервативное, оно ставит цель – гарантировать сохранение политической системы в условиях внешнеполитической неопределенности.

Провозглашенный нынешним политическим руководством России курс на Восток, и интенсификация всесторонних отношений с Китаем и растущими Азиатскими государствами, обусловлен не только глубоким кризисом в отношениях с Западом, но и представлениями об общности национальных интересов в рамках Большой Евразии.

Можно предположить, что представления «старых» и новых евразийцев о «большом пространстве» и «многополярном мире» воплотились в уже

¹ Путин В. В. (2020). Из интервью программе «Москва. Кремль. Путин» телеканала «Россия 1» <https://tass.ru/info/15972421>

² Путин: Петр I возвращал и укреплял территории, эта участь выпала и на нашу долю. (2022). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/5396004>

рассмотренных в начале статьи, крупных межгосударственных интеграционных проектах.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что российская власть весьма селективно использует в своей риторике евразийские идеи. В то время как Дугин проповедует мистический традиционализм и жесткую антизападную эсхатологию, в публичных выступлениях и публикациях высших государственных чиновников обнаруживается только схожая терминология, с помощью которой происходит легитимация принимаемых решений.

Таким образом, можно говорить о том, что интеллектуальный вклад евразийцев и радикальные идеи современных «наследников» их учения в актуальную политику России крайне незначителен. Идеи ранних евразийцев оказались слишком абстрактными, а новые евразийцы предлагают очередной мобилизационный проект, в котором перемешаны политологические и эзотерические теории, которые невозможно воплотить в реальную политическую практику. Чего стоит, например, ожесточение неоевразийца Александра Дугина против персонажа детского мультфильма – Чебурашки, в котором геополитик разглядел опасного демона.

Как справедливо заметил И.И. Орлик, «Разнообразные взгляды большинства неоевразийцев носят в основном умозрительный, общефилософский характер. Они никак не связаны с осмыслением современной социально-экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве. Не учитываются и весьма определенные действия внешних факторов (прежде всего политики США и Евросоюза) в отдельных государствах СНГ. Именно поэтому неоевразийские проекты являются в своем большинстве утопическими» (Орлик, 2010, с. 19).

В публичном информационном пространстве можно увидеть не столько воплощение его радикальных концепций, сколько заимствование некоторыми отечественными политиками его терминологии: «многополярный мир», «англосаксы», «традиционные ценности» и «закат Европы», которые были центральными в работах Дугина еще в 90-х. Поскольку стратегия российского руководства не содержит геополитические фантазии интеллектуальных экстремистов, то можно сделать вывод о том, что влияние неоевразийцев на властную элиту государства больше похоже на медийный феномен, чем на политическую реальность.

Литература

- Антропов, О. К. (2012). Евразийство: феномен и историческая судьба. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 200–208.
- Базавлук, С. В. (2021). Внешний анализ и критика евразийской интеграции. *Постсоветские исследования*, 4(7), 542–555.
- Бицилли, П. М. (1995). Два лика евразийства. В *Мир России – Евразия: Антология* (сс. 335–349). Высшая школа.
- Вернадский, Г. В. (2023). *Начертания русской истории*. Центрполиграф.
- Гумилев, Л. Н. (2012). *Всем нам завещана Россия* (Е. М. Гончарова, ред.). Айрис-пресс.
- Гумилев, Л. Н. (2018). *Этногенез и биосфера Земли*. Азбука.
- Дугин, А. Г. (1999). *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством*. АРКТОГЕЯ.
- Дугин, А. Г. (2009). *Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века*. Амфора.
- Дугин, А. Г. (2024). *Теория многополярного мира. Плюриверсум*. Академический проект.
- Евразийство. Опыт систематического изложения*. (1992). В *Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России* (сс. 427). Русская книга.
- Карсавин, Л. П. (1992). *Религиозно-философские сочинения* (Т. 1). Ренессанс. (Обратите внимание: в АРА 7 том многотомного издания указывается в круглых скобках после названия без курсива).
- Кушнир, А. М., & Кушнир, А. А. (2023). Критический анализ концепции четвертой промышленной революции Клауса Шваба. *Социально-политические науки*, 13(4), 105–124.
- Люкс, Л. (2018). Евразийство. *Евразийство и мир*, (1), 3–15.
- Орлик, И. И. (2010). Евразийская идея: возникновение и эволюция. *Вестник РУДН: Серия «Всеобщая история»*, (4), 7–20.
- Основы евразийства*. (2002). Арктогея центр.
- Савицкий, П. Н. (1997). *Континент Евразия*. Аграф.
- Трубецкой, Н. С. (1995). *История. Культура. Язык*. Прогресс.
- Трубецкой, Н. С. (2019). Европа и человечество. Наследие Чингисхана. В *Европа и человечество. Наследие Чингисхана* (с. 89–141). Эксмо.
- Флоровский, Г. В. (1998). *Из прошлого русской мысли*. Аграф.
- Цымбурский, В. Л. (2007). *Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006*. РОССПЭН.
- Цымбурский, В. Л. (2011). *Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования*. Европа.

References

- Antropov, O. K. (2012). Evraziistvo: fenomen i istoricheskaya sud'ba [Eurasianism: Phenomenon and historical fate]. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (2), 200–208. (In Russ)
- Bazavluk, S. V. (2021). Vneshniy analiz i kritika evraziyskoy integratsii [External analysis and criticism of Eurasian integration]. *Post-Soviet Studies*, 4(7), 542–555. (In Russ)
- Bitsilli, P. M. (1995). Dva lika evraziystva [Two faces of Eurasianism]. In *Mir Rossii – Evraziya: Antologiya* [The world of Russia – Eurasia: Anthology] (pp. 335–349). Vysshaya shkola. (In Russ)

- Vernadskiy, G. V. (2023). *Nachertaniya russkoy istorii* [Outlines of Russian history]. Tsentrpoligraf. (In Russ)
- Gumilev, L. N. (2012). *Vsem nam zaveschana Rossiya* [Russia is bequeathed to us all] (E. M. Goncharova, Ed.). Ayris-press. (In Russ)
- Gumilev, L. N. (2018). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Azbuka. (In Russ)
- Dugin, A. G. (1999). *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii. Myslit' prostranstvom* [Foundations of geopolitics. Geopolitical future of Russia. Thinking in space]. ARKTOGEYA. (In Russ)
- Dugin, A. G. (2009). *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The fourth political theory. Russia and political ideas of the 21st century]. Amfora. (In Russ)
- Dugin, A. G. (2024). *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Plyuriversum* [Theory of the multipolar world. Pluriverse]. Akademicheskii proekt. (In Russ)
- Evraziystvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism. An attempt at systematic exposition]. (1992). In *Put' Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [The path of Eurasia. Russian intelligentsia and the destinies of Russia] (p. 427). Russkaya kniga. (In Russ)
- Karsavin, L. P. (1992). *Religiozno-filosofskie sochineniya* [Religious-philosophical works] (Vol. 1). Renessans. (In Russ)
- Kushnir, A. M., & Kushnir, A. A. (2023). Kriticheskiy analiz kontseptsii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii Klavusa Shvaba [Critical analysis of Klaus Schwab's concept of the fourth industrial revolution]. *Socio-Political Sciences*, 13(4), 105–124. (In Russ)
- Lyuks, L. (2018). Evraziystvo [Eurasianism]. *Eurasianism and the World*, (1), 3–15.
- Orlik, I. I. (2010). Evraziyskaya ideya: vzniknovenie i evolyutsiya [The Eurasian idea: Origin and evolution]. *RUDN Journal of World History*, (4), 7–20. (In Russ)
- Osnovy evraziystva* [Foundations of Eurasianism]. (2002). Arktogeya tsentr.
- Savitskiy, P. N. (1997). *Kontinent Evraziya* [The continent Eurasia]. Agraf. (In Russ)
- Trubetskoy, N. S. (1995). *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Progress. (In Russ)
- Trubetskoy, N. S. (2019). Evropa i chelovechestvo. Nasledie Chingiskhana [Europe and humanity. The legacy of Genghis Khan]. In *Evropa i chelovechestvo. Nasledie Chingiskhana* [Europe and humanity. The legacy of Genghis Khan] (pp. 89–141). Eksmo.
- Florovskiy, G. V. (1998). *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the past of Russian thought]. Agraf. (In Russ)
- Tsyburskiy, V. L. (2007). *Ostrov Rossiya: geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [Island Russia: Geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. ROSSPEN. (In Russ)
- Tsyburskiy, V. L. (2011). *Kon'yunktury zemli i vremeni. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya* [Conjunctures of earth and time. Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations]. Evropa. (In Russ)

Для цитирования: Голосеева А. А. Политическая концепция евразийства: от истории к современности / А. А. Голосеева, А. А. Хохлов // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 45–59. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-45-59.